

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ И СВЯЗЯХ

Статья продолжает серию публикаций, посвященных исследованию социально-пространственных и социально-временных отношений и связей, а также процессу их трансформации в научно-криминалистическое знание.

Ключевые слова: криминалистика; научно-криминалистическое знание; пространство; время; отношения; связи.

В научном познании всегда особое внимание уделялось происхождению знания, осмыслению его истоков и последующего движения в науке. Такой подход оправдан тем, что в ходе анализа вскрываются пробелы и противоречия, преувеличения и недооценки, определяются проблемы научно-познавательного и практического плана.

Криминалистика, как и всякая другая наука, обладает к настоящему времени значительным теоретическим и прикладным (практическим) знанием. Как и всякая другая наука, она в равной мере опирается и развивается как онтологический, так и гносеологический аспекты. Как свидетельствует научно-познавательный опыт, накопленный в криминалистике, в ее истории неоднократно возникали дискуссии о необходимости равномерного развития как теоретического, так и практического плана. В криминалистике это все хорошо известные факты.

Неравномерность освоения двух названных аспектов, в известной мере, предопределялась незрелостью в криминалистике научно-категориального аппарата, активным заимствованием и приспособлением заимствованных знаний из иных наук к нуждам текущей следственной практики. Особенно непростым и до настоящего времени проблематичным в криминалистике остается перевод гуманитарного знания, заимствуемого из соответствующих наук в разряд научно-криминалистического знания и, в частности, формирование и развитие знаний о личности преступника, знаний о социально-личностном отношении данного субъекта к пространству и времени, о сущности данного отношения. Известный в истории науки запрет на познание духовной составляющей личности сдерживал научно-познавательный интерес к пространству и времени, формирование к ним научно-познавательного отношения как к социально-личностным феноменам, а не только как к атрибутам материи. Ориентация интеллектуальной мысли исключительно на материальное было обусловлено общей тенденцией, характеризующейся спадом интереса власти к духовному, к гуманитарным наукам, к личности как таковой. В результате сама власть заложила основы упрощения и даже примитивизации личности в науке. Чем грубее миропонимание, тем меньше в получаемом знании живой истины. Отождествление диалектического материализма с бытием не приближало, а отдаляло от понимания объемности мира, его действительной сущности. Каковы условия эволюции, таковы и результаты. Узость мировоззренческих начал, мировоззренческой культуры мышления есть следствие узости и грубости условий эволюции, элементарности условий зарождения мысли,

возможностей ее выражения/воплощения. Ориентация на элементарность служила самодостаточным условием реализации научного познания личности и ее отношений в данных социально-исторических условиях.

Личность, пространство и время рассматривались исключительно как элементы хозяйственно-экономического механизма. Для поддержания установленного властью уровня в стране был запущен карательно-репрессивный механизм, исключавший всякие возможности выхода мысли за пределы текущего бытия, партийной целесообразности, выдаваемой за научное, объективное знание.

Ранний этап становления криминалистики и научно-криминалистического познания личности преступника сопровождался мощным политико-идеологическим давлением на ученых со стороны власти, утверждением материалистического мировоззрения и диалектико-материалистического метода в качестве единственно правильных. Так, официальной идеологией безоговорочно утверждалось, что социалистический строй является по своей природе антикриминогенным, что в нем отсутствуют социальные и экономические предпосылки для возникновения преступности, такие как частная собственность, неравенство в распределении экономических благ, эксплуатация. Как известно, К. Маркс видел причины преступности, появления личности правонарушителя прежде всего в общественных условиях эксплуататорского общества [1. С. 2]. На основании мнений классиков существующая в стране преступность рассматривалась в качестве временного явления, пережитка прошлого в виде «рудиментов мелкобуржуазной психологии» [2. С. 86–90].

Как официальная политико-идеологическая установка она и определяла заглавный вектор отношения к личности преступника. Несмотря на попытки первых советских криминалистов, подчеркивавших необходимость сохранения и развития знаний о личности преступника с психологической стороны, к числу активно вытеснявшихся знаний относились именно знания о психологии личности преступника в криминалистике.

Если в первых работах Владимира Иустиновича Громова также подчеркивалась необходимость психологических знаний о личности преступника, то в дальнейшем его суждения ограничивались лишь общим призывом о необходимости знаний о психологии преступника. Так, уже в 1926 г. В.И. Громов мог позволить себе утверждение лишь о том, что «особенно важное значение придается для работников уголовного советского суда и розыска знакомство хотя бы с элементарными основами современной психологии» [3. С. 11]. И не более того. Другие работы В.И. Громова не отлича-

лись от прежних, проблемы и научно-методические рекомендации по изучению личности преступника в них никак не представлены [4].

Несмотря на попытки криминалистов сохранить данное направление в криминалистике, к началу 1930-х гг. все исследования в области изучения личности преступника в криминалистике были практически полностью свернуты. Научно-познавательные и практические интересы уголовного судопроизводства, предварительного расследования были с легкостью принесены в жертву партийно-государственным установкам, выстраиваемым на убежденности, что преступность и так обречена на вымирание. Познание личности преступника, если оно вообще может быть соотнесено с научным познанием, ограничивалось его классово-политической характеристикой.

Исследования по изучению личности преступника в криминалистике возобновились лишь в начале 1960-х гг. Они были инспирированы как текущей социально-исторической ситуацией, кардинальными изменениями в законодательстве в области уголовного судопроизводства, так и потребностями судебно-следственной практики.

М.Г. Коршик и С.С. Степичев, в значительной мере инициировавшие внимание к изучению личности преступника в криминалистике, обосновывая актуальность данного направления, в частности отмечали: «Задача укрепления социалистической законности требует от работников милиции, прокуратуры и суда повседневно совершенствовать методы деятельности, направленной на борьбу с преступлениями... Как известно, основная цель расследования и рассмотрения уголовного дела заключается в установлении объективной истины. Однако было бы ошибочным считать, что для выполнения ее достаточно установить факт преступления и то, что лицо, совершившее его, вменяемо и достигло определенного возраста. Действующий уголовно-процессуальный закон обязывает суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого... Совершенно очевидно, что одним из условий обеспечения указанных требований закона является тщательное исследование всех данных о личности обвиняемого, без чего не может и речи о полноте и объективности предварительного и судебного следствия» [5. С. 3].

Мысль, отталкиваясь от необходимости решения злободневных, но, тем не менее, текущих, повседневных потребностей и нужд судебно-следственной практики, постепенно выходила на новые научно-познавательные рубежи, продвигалась в направлении постановки теоретических проблем. Движение от простого к сложному нарастало. Ищущая интеллектуальная мысль уже не ограничивалась набором простых рекомендаций, позволявших хоть каким-то образом решать судебно-следственные задачи. Изучение личности обвиняемого выходило на новый уровень дифференциации знаний о данном субъекте – научно-рациональный.

Так, в суждениях Н.Т. Ведерникова, придерживающегося мнения об актуальности изучения личности обвиняемого в объеме требований действующего зако-

нодательства, вводит в оборот новые суждения, в которых звучат мировоззренчески новые акценты. Наряду с процессуальным статусом он видит в обвиняемом прежде всего человека, то, что ранее вряд ли было вообще возможным. «Установление полных данных о личности обвиняемого, – отмечает он, – о том, что это за человек, что он собой представляет – обязательное условие доброкачественного расследования преступлений» [6. С. 5–6]. Обвиняемый не только не враг народа – это человек. Интеллектуальная мысль вновь обретала забытый гуманистический пафос.

Высказанное названными криминалистами мнение о полноте и объективности изучения личности обвиняемого, об отношении к нему как к человеку стало по сути дела ключевой установкой для целого ряда криминалистов активно поддержавших и развивавших идею изучения личности обвиняемого на предварительном следствии. С выделением в качестве самостоятельного криминалистического направления в изучении личности обвиняемого, приданием ему проблемного характера активизировалось совершенствование наметившегося научно-познавательного аспекта [7. С. 3].

В структуре криминалистического аспекта подчеркивается значимость изучения личности обвиняемого для решения ряда следственно-тактических задач. По этому поводу Н.Т. Ведерников отмечает: «Знание личности обвиняемого помогает при выдвижении и проверки версий по делу ... построении розыскных версий», а также для проведения ряда следственных действий [6. С. 7–8].

Следственно-тактическое (криминалистический аспект) направление в изучении личности обвиняемого, базирующееся на психологических знаниях, приобрело доминирующее значение. Основанием научно-познавательного утверждения психологического подхода послужило мнение К. Маркса о том, что «образование пяти внешних чувств – это работа всей до сих пор протекавшей всемирной истории» [8. С. 594].

Так, по мнению Ф.В. Глазырина, ориентирующегося на широкое признание психологии личности обвиняемого в криминалистике, отмечается, что «марксистско-ленинский подход к изучению личности требует рассматривать ее как единство социального и биопсихологического содержания. Сущность личности определяется ее психологическими, физиологическими особенностями» [9. С. 6].

Неожиданный вывод, поскольку в соответствии с указаниями классиков сущность личности образуют общественные отношения, определяющими из которых являются производственные отношения, но, тем не менее, Ф.В. Глазырин еще раз подтвердил значимость психологических знаний в изучении личности обвиняемого.

Из сказанного здесь и ранее следует, что психологические знания все более утверждались в криминалистике, все теснее встраивались в предметно-познавательное пространство и тем самым более четко очерчивали круг научно-познавательных и практических проблем изучения личности обвиняемого на предварительном следствии. Естественно, что расширялись масштаб и глубина выявлявшихся задач. Тем не менее часть криминалистов устойчиво связывала психологи-

ческие знания с криминалистической тактикой, а точнее с тактикой проведения отдельных следственных действий.

Не умаляя значимости психологических знаний при проведении ряда следственных действий, необходимо подчеркнуть, что следственно-тактическое направление, криминалистический аспект, принимало все более доминирующий научно-познавательный характер.

Так, Н.Т. Ведерников, анализируя следственно-тактическое направление, выделяет в его структуре два самостоятельных направления, которые еще более четко определили специфику изучения личности обвиняемого. Им отмечается, что «первое направление решает задачу раскрытия преступления и включает в себя совокупность действий следователя и органов дознания по собиранию и исследованию всевозможных данных, указывающих на того, кто совершил преступление. Задача этого направления первого этапа расследования будет выполнена тогда, когда будет получен ответ на вопрос – кто он, совершивший преступление. Второе направление криминалистического аспекта изучения личности преступника включает в себя изучение личности уже известного, установленного обвиняемого. Говоря образно, оно должно отвечать на вопрос – каков он, субъект, которому предъявлено обвинение в совершении преступления» [10. С. 67].

Наметившаяся в изучении личности обвиняемого научно-познавательная тенденция еще более усиливалась. Так, П.П. Цветков, наряду с уже относительно устоявшимися взглядами на существо проблем и способов их разрешения, вводит в проблематику вопрос о значимости исследования мировоззрения обвиняемого. И хотя он, по сути, отождествил мировоззрение с моральной характеристикой, заслуживает внимания сама по себе попытка осветить личность обвиняемого с нетрадиционной для криминалистики и психологии стороны [11. С. 57].

Акцентуация отношений личности обвиняемого на научно-мировоззренческом и научно-познавательном уровнях, опосредуемая реально осуществляемой деятельностью, становится действительно доступной для научно-теоретического и практического познания и применения, показателем, воплощающим сложный и комплексный характер личности обвиняемого, сопровождающийся нарастанием и последовательной дифференциацией научного знания, переходом от констатации значимости социально-демографических сведений об обвиняемом к системе личностных отношений, что, безусловно, должно быть отнесено к сильной стороне развертывавшегося и утверждавшегося в криминалистике научно-мировоззренческого и научно-познавательного подхода. Только на данных достигнутых основоположениях становятся возможными дальнейшая дифференциация и углубление научно-криминалистического учения о личности преступника (обвиняемого) в криминалистике.

Материалистическое мировоззрение вывело мысль к своему научно-мировоззренческому пределу – общественным отношениям, за которыми, как за сущностью личности, никаких иных отношений уже нет. Однако оно лишь приблизилось к человеку и рассмотрело его с внешней стороны, зафиксировав общественно значи-

мые проявления, сконцентрировавшись вокруг статуса личности. Но отношения личности не могут быть поняты и объяснены исходя лишь из взгляда на них как на совокупность общественных отношений. Общественные отношения, выстроенные на материалистическом – это только часть человеческих отношений.

Следующая его часть, социально-личностные отношения, отражает другую, не менее объемную и значимую составляющую личности, сущность которой выражает личностный смысл. Ее универсальный и общезначимый характер состоит в том, что личностный смысл задает координаты, позволяющие человеку вполне самостоятельно ориентироваться в социальном пространстве и социальном времени, в мире социальных объектов и, прежде всего, в мире доминирующих идей, связей и отношений, что позволяет человеку сохранять социально-пространственное и социально-временное равновесие в обществе, в том числе и в системе общественных отношений. Своей пристрастностью, преднамеренностью, избирательностью он всегда предзадавал форму и способ отношения к социальным объектам – к идеям материалистического и идеалистического миропонимания, к власти, морали, религии, политике, идеологии, собственности, правам и свободам, революции, праву, преступности, преступлению, личности преступника.

Личностный смысл существовал и тогда, когда уголовное судопроизводство еще смутно представляло себе суть общественных отношений, сводя их, в частности, к религиозным и в более позднее время, он существует и в настоящее время. Недооценивать или, тем более, игнорировать личностный смысл в жизнесуществовании человека, его направляющую и смыслообразующую роль означает если не принижение личности, то, во всяком случае, половинчатое знание о ней.

Как свидетельствует научно-познавательный опыт развития криминалистики, накапливавшийся следственный опыт, в том числе опыт изучения личности преступника, само бытие, сама практика расследования давали богатейший следственно-практический материал. Личностному смыслу с его пристрастностью, избирательностью, преднамеренностью в реконструкции преступного события, в реализации преступного замысла всегда отводилась значительная роль. Мысль всегда подразумевала за отношениями и связями, конкретными действиями, поведением человека социально-личностное отношение и стоящий за этим отношением личностный смысл. Эта характерная для жизнесуществования человека особенность, уходящая своими корнями в обыденно-жизненный опыт и здравый смысл, всегда сопровождала человека независимо от того, преступник это или следователь.

История отечественной криминалистики, несмотря на то что социально-личностные отношения и связи, личностный смысл никогда не были предметом научного познания, всегда сопровождали процесс расследования преступлений, изучение личности преступника. Но в криминалистической литературе такого рода знания никак не упорядочены, в них отсутствует хотя бы минимальный признак, подчеркивающий их следственно-тактическое значение. Всегда лишь подразумевающиеся, они обнаруживаются только в контексте работ. Как свидетельствует анализ литературных ис-

точников, влияние данных феноменов, несомненно, присутствовало в организации поведения и преступника и в деятельности самого следователя. Так, Б.Л. Бразоль, сетуя на некоторые действия следователя при осмотре места происшествия, отмечал: «Исключительно важное значение осмотра, к сожалению, не всегда и далеко не в полной мере оценивается нашими юристами-практиками. Искони у нас ведется так, что большинство вещественных доказательств осматривается... письмоводителями и следственный осмотр оказывается поставленным на запятках всего расследования, вместо того, чтобы стоять во главе угла. Но даже и тогда, когда осмотры производятся судебными следователями лично, цель следственного действия оказывается не всегда достигнутой в силу того, что в русской следственной практике замечается какая-то боязнь *детального* осмотра, неправильно отождествляемого с понятием *экспертизы*» [12. С. 5].

Как мы полагаем из опасений оказаться в числе социально-лично несостоятельных, т.е. выйти за круг достигнутых социально-личностных отношений и связей, следователи предусмотрительно (преднамеренно) руководствовались не интересами дела, а *исходя из личного смысла, защитой, прежде всего, собственного социально-личностного статуса, сохранив который следователь сохранял и свой должностной (социальный) статус.*

Б.Л. Бразоль ничего не говорит напрямую о социально-личностном, о личностном смысле, однако оче-

видность их значимости в организации профессиональной деятельности просматривается вполне ясно.

Феномен влияния личностно-смысловой пристрастности всегда усиливался когда власть, государство проявляло явное невнимание к следственному корпусу, к его нуждам. Апатия, равнодушие, формальное отношение, небрежность – такова плата невнимания к нуждам следователя, стоящего за ними социально-личностного отношения, неписаного социально-личностного статуса.

Приведенный пример показывает, на наш взгляд, субъективную предпочтительность социально-личностного отношения к социальному (должностному статусу), который является, по существу, лишь продолжением социально-личностного. Каждая эпоха, историческое время, социально-исторические процессы и даже отдельные события задают мировоззренческие координаты выбора человеком мировоззренческих ценностей и приоритетов, их иерархию. Существующие в виде социально-личностных отношений и связей, избираемые посредством личностного смысла, они задают динамику и амплитуду субъективной активности, определяют, в итоге, общественно значимые взлеты и падения деятельности, непосредственно сказывающиеся на общественных умонастроениях. Однако независимо от исторического времени и утверждаемых мировоззренческих ценностей социально-личностное отношение продолжает сохранять свое влияние на взгляды и представления о социально-личностном статусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. 603 с.
2. Карпец И.И. О природе и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 86–90.
3. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие / Отв. ред. Н.В. Крыленко. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1926. 297 с.
4. Громов В.У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М.: Советское законодательство, 1931. 152 с.
5. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1961. 75 с.
6. Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 83 с.
7. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М.: Юрид. лит., 1971. 77 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 689 с.
9. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: Учеб. пособие. Свердловск, 1973. 155 с.
10. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого (Понятие, предмет и методика изучения). Томск: Изд-во ТГУ, 1978.
11. Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и в суде первой инстанции). Л., 1973. 147 с.
12. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Петроград: Государственная типография, 1916. 215 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 октября 2009 г.